

О СУЩНОСТИ МОТИВОВ

Ю.М. АНТОНЯН

Мотивы относятся к числу основных характеристик личности, поэтому расхожее утверждение, что каковы мотивы, таков и человек, очень недалеко от истины.

Мотив — это нечто внутреннее для личности, то, что побуждает ее к деятельности, поведению или поступку, направляет их и наполняет смыслом. Мотив призван удовлетворять определенные потребности, поэтому можно считать, что потребность формирует мотив, в то же время между ними не следует ставить знак равенства. Дело еще и в том, что помимо потребности на возникновение мотива влияют также эмоции, идеи, цели, органические состояния. При этом мотивы, особенно ведущие, могут формироваться всю жизнь, начиная с рождения.

Мотивы всегда призваны ответить на вопрос, ради чего реализуется поведение или поступок, на удовлетворение какой потребности они направлены, и поэтому они составляют смысл поведения или поступка. Только установив, какой смысл лежит в основе действия или ряда действий, можно приблизиться к пониманию данного человека. Однако и это может не дать однозначного искомого ответа на вопрос, что собой представляет человек, поскольку одни и те же мотивы могут породить совершенно разные типы поведения: аморальный, преступный или нравственно безупречный.

Мотивация — это процесс возникновения, формирования, развития и коррекции мотивов. В этом процессе одни мотивы могут заменяться другими, частично или полностью вытесняться. Отдельные исследователи включают в этот процесс постановку и коррекцию целей, однако это представляется излишним. Цель, конечно, влияет на мотивацию, но это не единственный фактор с такими возможностями. Тем более в мотивацию не входит принятие решения, которое явно лежит за ее пределами. Кстати, принятие решения во многих случаях бессознательно, особенно когда его необходимо принять мгновенно, часто на уровне инстинкта, или в случаях опьянения, алкогольного или наркотического. В рамках анализируемого процесса может происходить борьба мотивов, блокирование предрасположений к действию другими мотивами и иными психологическими факторами вне его пределов.

Вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть, что хотя принятие решения и не входит в мотивацию, без него невозможно понять поведение. Даже если принятие решения бессознательно, сам его характер позволяет понять человека и мотивы его поступка.

Мотивация всегда является реагированием на какие-то жизненные ситуации, очень длительные, длительные, среднеточные или краткосрочные, даже мгновенные, жизненно важные или значимые для решения более мелких житейских проблем, конфликтных (остроконфликтных) или совершенно мирных. Мотивация предстает таковой даже в тех случаях, когда ситуация создается человеком, чтобы затем реагировать на нее, потому что его усилия по конструированию нужных для него обстоятельств тоже возникают на психологическом фундаменте мотивации. Под ситуацией следует понимать не просто совокупность внешних условий и факторов, а отношение личности к ним, субъективную значимость этих условий и факторов для нее.

Итак, мотивы и мотивация – разные психологические феномены, поэтому не следует использовать их как синонимы. Мотивацию не нужно отождествлять ни с мотивами, ни с иными внутренними факторами, влияющими как на мотивы, так и на мотивацию. Между тем, не лишено интереса понимание мотивации как совокупности мотивов в их действии.

Обилие разных толкований и определений мотивов и мотивации не должно смущать: оно свидетельствует о пристальном интересе науки к этим явлениям. Но, конечно, о терминах не надо спорить до бесконечности, о них, об их содержании необходимо договариваться.

Мы полагаем, что проблему мотивов и мотивации, особенно полимотивации, невозможно решить без рассмотрения вопросов структуры человеческой психики. Она включает в себя следующие подструктуры:

1. *Сознание* как функцию мозга, идеальную форму отражения, воспроизведения и порождения действительности; оно само является реальным и объективным, порождая в то же время реальность. Сознание является порождением социализации: без общения с другими людьми появление сознания невозможно. Сознание порождает деятельность, выполняя роль ее внутреннего компонента и, в то же время, как бы внешнего контролера, определяет ее цели и смыслы, оценивает результаты, активно направляет процессы индивидуации (восамления), овладения собой, своими силами и возможностями, «строительства» отношений с окружающим миром. Как известно, без сознания нет личности. Только при наличии сознания возможна речь.

Сознание постоянно взаимодействует с иными компонентами психики и личности.

2. *Индивидуальное бессознательное*, которое образуют вытесненный из сознания опыт и переживания из-за их травматичности, аморальности (а поэтому неприемлемости для человека) или

неактуальности. Это невоспоминаемый опыт, который, однако, может обладать немалой энергией и живучестью, нередко прорываясь в поступки, неожиданные для самого действующего субъекта. Он ригиден и обычно мало зависит от внешних событий, развиваясь по своим внутренним специфическим законам. В индивидуальном бессознательном хранятся как болезненные невоспоминаемые переживания, так и вполне радостные, но ненужные в настоящее время.

Индивидуальное бессознательное существует потому, что есть сознание, и наоборот. Они постоянно взаимодействуют друг с другом, но могут и конфликтовать. Нечто индивидуально бессознательное вполне способно быть осознано.

Индивидуальное бессознательное близко к памяти, особенно к таким ее видам, как образная и непроизвольная память, но, тем не менее, это разные психические явления. Первое представляет собой более глубокое образование, лишь в определенных случаях или при применении специальной методики репрезентируясь в сознании. Оно может так и не достигнуть этого уровня и оставаться в своих глубинах, проявляясь, например, только в сновидении, но и этого может не быть. Содержание же образной памяти несравненно легче воспроизвести в виде чувственных образов, предметов и явлений, их свойств и отношений друг с другом.

3. Воспринятые личностью *архетипы коллективного бессознательного*. Их К.Г. Юнг называл более глубоким уровнем бессознательного личности по сравнению с индивидуальным бессознательным. С этим трудно согласиться, поскольку они являются не более глубоким, а иным уровнем бессознательного личности. Но коллективное бессознательное не только передает личности свои архетипы, оно есть вытесненный коллективный опыт, накопленный человечеством в течение всей его истории. Это бессознательное в виде архетипов не предшествует человечеству и не передается от поколения к поколению биологическим, генетическим путем, а только приобретается людьми в ходе социализации. Архетипов великое множество и не все они могут усваиваться конкретным лицом и даже конкретной культурой, но, несомненно, воспринимаются наиболее важные из них, необходимые для данной культуры.

Восприятие личностью архетипов включено в ее социализацию и используется ею в процессе индивидуации, но все это происходит, как правило, на бессознательном уровне. Архетипизированный бессознательный уровень психики взаимодействует и с сознанием, и с индивидуальным бессознательным.

Эта модель строения психики (конечно, не единственно возможная) представлена здесь для того, чтобы показать, что в фор-

мировании мотивов присутствуют все три составные части. Может действовать только одна из них, а могут – все одновременно, переплетаясь и взаимодействуя друг с другом, и тем самым порождая очень сложные полимотивы.

Глубинные мотивы порождаются индивидуальным бессознательным и архетипизированным индивидуальным бессознательным, чаще всего именно на этих уровнях можно обнаружить скрытые, но самые важные, смыслы поведения или деятельности. Сознание часто становится источником видимых, лежащих на поверхности мотивов, глубинные смысловые мотивы обычно лежат на других уровнях, но все они могут действовать в едином процессе мотивации. Например, накопление денег и иных материальных ценностей, как правило, расценивается как корыстолюбие, при этом подразумевается, что здесь действует мотив корысти; однако на названных выше бессознательных уровнях можно обнаружить, что такое поведение мотивировано высокой тревожностью и страхом перед возможными социальными потрясениями, утратой социального статуса, бедностью и т.д. При этом страх подчас бывает неопределенным, размытым, человек чего-то боится, но не в состоянии понять, осмыслить, чего именно, более того, обычно даже не ставит перед собой такой задачи.

Усвоенные личностью архетипы тоже способны мотивировать ее поведение. Так, архетип Великой Матери вызывает патриотические чувства, преданность своей Родине, но чрезмерная, паранояльно окрашенная связь с ней может мощно стимулировать террористические и экстремистские поступки, совершаемые для ее защиты. Переживаемые патриотические чувства, порожденные указанным архетипом, точнее таким ее аспектом, как Родина-мать, вполне могут осознаться. Иными словами, сознание здесь активно участвует в формировании патриотических мотивов, которые, тем не менее, берут свое начало в глубинах материнского первообраза.

Коллективным Великим Отцом может быть политическая партия, например, большевистская. Преданность, особенно если она выходит за пределы нормы, способна толкнуть человека и на нравственно безупречные, и на безнравственные, даже преступные поступки. Во многих случаях тогда образуется жесткая психологическая зависимость личности от партии и эта зависимость в свою очередь питается высокой тревожностью и страхом: без нее субъект будет ощущать себя одиноким, беззащитным, брошенным на произвол судьбы перед лицом социальных катастроф и врагов, которые могут быть как реальными, так и вымышленными. В последнем случае враги полностью виртуальны, их черты размыты и неопределенны, но глубоко спрятанный и изматывающий страх

перед ними, хотя и бессознательный, и диффузный, тем не менее, искренен.

Другой иллюстрацией полимотивации может быть чувство ревности, выступающей в качестве мотива поведения. На уровне сознания в одном из своих аспектов — в любовных (сексуальных) отношениях между женщиной и мужчиной — это чувство означает мучительные сомнения в любви и верности женщины (мужчины), переживания по поводу того, что женщина (мужчина) избрала другого (другую). В большевистской этике ревность относилась к низменным чувствам. Но если попытаться проанализировать ее с точки зрения глубинной психологии, то окажется, что оно представляет собой защиту своего биологического и социального статуса, своего «Я», которое разрушается или существенно принижается действиями женщины (мужчины). Каждый человек может принимать себя только в определенном качестве, и если это качество не достигается или ему что-то серьезно угрожает, он принимает защитительные меры, проявляющиеся в данном случае в чувстве ревности. Особенно мучительными они могут быть, например, у молодого человека, усвоившего архетип героя, сопоставляющего себя с ним.

В приведенных примерах, как нетрудно заметить, в формировании и активизации мотивов участвуют все три уровня предложенной выше структуры человеческой психики. Разумеется, можно привести множество и других примеров, подтверждающих такую позицию.

Согласно Юнгу, в бессознательной части человеческой психики образуется так называемая Тень, хранящая в себе невоспоминаемые негативные переживания, влечения, желания, а также и иные, позитивные компоненты. Однако эта точка зрения представляется весьма неточной. Логичнее предположить, что в Тени сосредоточены только негативные влечения и желания, а не какие-нибудь еще. В противном случае Тень будет полностью совпадать с индивидуальным бессознательным и введение в науку нового термина окажется бессмысленным. Отрицательные, неприемлемые влечения и желания, наполняющие Тень, могут выступать мотивами неприглядного, аморального поведения. Следовательно, она является хранилищем мотивов преступлений, что, конечно, не означает фатальности преступного поведения: такие мотивы могут быть реализованы, а могут и не быть. В последнем случае сознание может сдерживать их действие.

Именно сознание во многих случаях выступает в качестве контролера, блокирует неприемлемые влечения и желания, порождает чувства вины и раскаяния, корректирует поведение в целом. Но в такой же роли способны выступать и какие-то компоненты

и индивидуального бессознательного и архетипизированного индивидуального бессознательного, инстинкты человека, предупреждающие его о недопустимости или опасности определенных действий, их разрушительности для него самого и т.д. Так, усвоенный архетип Родины-матери может успешно противодействовать предательским поступкам.

Однако, как следует полагать, Тень может образовываться не только на индивидуальном уровне, но и на коллективном, на уровне всего общества. Она способна существовать в вытесненном историческом прошлом, возвращаясь к народам в виде революций, войн и иных социальных катастроф. Именно таковыми, я считаю, были нацизм и большевизм, в которых явственно слышен зов древнего человека с его примитивизацией жизни, коллективизацией мышления, вождизмом, рабством, уничтожением несогласных и повсеместным, без исключения, применением жестокой силы для решения больших и малых проблем. Поскольку же отдельный человек психологически жестко зависим от архетипа Родины-матери и, в то же время, страшится остаться одиноким и незащищенным, он стремится в общую команду, впитывая в себя психологию толпы, которая является господствующей. Таким путем и коллективная Тень может мотивировать поведение человека.

Возвращение к древнему, даже древнейшему, опыту как мотиву поведения, у конкретной личности может выражаться в отрицании цивилизации, ее норм и требований. Подобные мотивы можно наблюдать, например, в современном каннибализме и инцесте. Люди, совершающие такие действия, погружаются в бездну первобытного опыта, который никак не хочет отпустить человека. Здесь сознание способно выступать в контролирующей, противодействующей роли.

Если мотивация есть процесс возникновения, развития и изменения мотивов, то, естественно, возникает вопрос, с какого момента он начинается. Конечно, не с момента рождения, а когда у ребенка появляются первые начатки сознания, но и тогда мотивы находятся еще в зачаточном состоянии, они размыты и неопределенны. Их формирование активизируется по мере умножения и усложнения потребностей, выхода за пределы естественных нужд и инстинктов, носящих биологический характер. Следовательно, мотивы по своему содержанию и природе являются социальными, что не означает, что в них не представлены биологические компоненты или то, что ими порождено. Процесс мотивации обусловлен социализацией личности, а с другой стороны — ее индивидуацией, и чем больше она «восамлена», тем более творческий и сложный характер будут иметь мотивы. Одни потребности носят врожденный характер (например, потребность

в защите), другие – социальный, приобретенный (например, в научном познании), что неизбежно сказывается на мотивах.

Здесь мы не подвергаем обстоятельному исследованию потребности, которые являются фундаментом для формирования мотивов, поскольку проблема потребностей требует самостоятельного изучения. Заметим лишь, что мотивы, их устойчивость, значимость и постоянство зависят от того, в чем заключаются потребности, от степени необходимости удовлетворения этой потребности, ее остроты. То, что представляет собой потребность, рождает соответствующие мотивы, причем не только прямо, но и через другие психологические отношения.

Думается, что потребность становится мотивом тогда, когда она приобретает социальный статус, т.е. когда в ходе развития ее содержание перестает быть только биологическим, а приобретает новое качество социального. Например, в самых примитивных формах познание как потребность характерно и для животных, которые «изучают» среду своего обитания, чтобы обеспечить себе возможность добывания пищи, безопасность себе и потомству. Также может быть и у человека, несомненно, так было и у самых первых людей. Потребность в познании становится мотивом, когда, например, человек ставит себе и пытается решить сложные проблемы в науке или технике, то же самое мы видим и когда школьник решает арифметическую задачу. Психологическая ситуация усложняется, когда с помощью решения учебного задания в школе или крупной научной проблемы человек самоутверждается или утверждает в глазах своего окружения. На этом более высоком уровне по отношению к первоначальному побуждению к познанию появляется мотив самоутверждения или (и) мотив утверждения в микрогруппе.

Мотивы самоутверждения и утверждения не связаны, конечно, только с потребностью познания. Они могут порождаться мотивами корысти, захвата власти, привлечения внимания женщин и овладения ими и т.д. Разумеется, потребность в самоутверждении и утверждении возникает и у животных, но на присущем им уровне.

Казалось бы, игровой мотив, столь значимый в жизни людей, только им и присущ, поскольку требует ума, ловкости, сообразительности, способности рисковать. Но это не так: достаточно посмотреть на игры животных, особенно молодых, имитирующие серьезные схватки; в таких играх молодые животные набираются опыта, получают первые навыки ловкости, сообразительности, применения силы.

Потребность, например, в защите, у человека тоже не такая, как у животных, она носит социализированный характер, вклю-

чая в себя защиту не только биологического, но и социального плана, не только жизни и здоровья, но и чести и достоинства, во многих случаях защиту жизни, здоровья, чести и достоинства одновременно.

Патриотические чувства как мотивы поведения филогенетически происходят из потребности первобытного человека защитить территорию своего племени, где он добывает средства к существованию и защищен соплеменниками. По мере развития и усложнения жизни эта потребность превращается в мотив, в онтогенетическом плане в первую очередь под влиянием архетипа Великой Матери. Интересно, что и животные охраняют свою территорию, предварительно пометив ее.

Не все потребности человека становятся мотивами его деятельности и поведения, например, из числа физиологических. Но на основе некоторых из них могут возникать мотивы, определяющие человеческое поведение. Например, на основе сексуальной потребности филогенетически и онтогенетически складывается такое чувство, как любовь, которое может мощно мотивировать поведение. Однако далеко не всем людям оно знакомо, поэтому сексуальное влечение у них остается на уровне физиологической потребности. И лежит в основе таких преступлений, как, например, изнасилование. В этом аспекте они недалеко ушли от животных, что накладывает негативный отпечаток на их личность и поведение.

Жизнь человека, его деятельность и поведение не сводятся к удовлетворению им своих потребностей. Он зачастую действует на основе потребностей всего общества, отдельных микрогрупп (коллективов). Особенно если членство в них, приобщение к их ценностям для него важны. Восприятие последних в немалой степени происходит через архетипы путем соответствующего воспитания, важной же функцией архетипов является объединение людей. Личность способна осознавать потребности общества и тем более близких себе малых социальных групп. Приобщение к ним, даже если их идеалы осознаются ею не вполне, может стать ее потребностью и мотивом активности. Потребности общества удовлетворяются производством, а кроме того еще и признанием его ценностей и целей отдельными людьми и их группами. В производстве отдельный субъект может принимать самое полноценное участие, удовлетворяя тем самым свои потребности в создании материальных и духовных благ. Потребности общества могут быть глобальными, поглощая и личность, и микрогруппы. Благодаря воле и контрмотивации человек способен противостоять такому обществу.

Начало формирования мотивов еще в детстве определяет их высокую значимость для личности. По мере ее развития они ус-

ложняются, выявляются главные, ведущие, которые не только подчиняют себе остальные, не столь важные, но и могут определить всю жизнь человека. Например, такой распространенный мотив, как самоутверждение, часто носящий бессознательный характер (например, в искусстве), способен направлять все жизненные усилия субъекта, подчиняя себе остальные мотивы. Если самоутверждение состоит в том, чтобы захватить и удержать власть (что мы и наблюдаем в недемократических странах), то обычно оказывается, что оно в свою очередь детерминировано высокой тревожностью и диффузным страхом. Здесь бессознательные мотивы их преодоления являются ведущими.

Исходя из того, что деятельность и поведение — не одно и то же, заметим, что отдельные действия в их рамках способны иметь собственную мотивацию, если эти действия, хотя и совершаются в едином русле деятельности или поведения, все-таки носят автономный характер. Это может быть связано и с тем, что деятельность, поведение и действия бывают полимотивированы, и конкретный поступок может определяться усилением, иногда резким, одного из многих мотивов. Иногда такие поступки называют эксцессами. В других случаях у деятельности, поведения и поступка имеется общий мотив.

Выше уже упоминалось о деятельности и ее связи с мотивацией. Можно встретить утверждение, что блага, в том числе материальные, отношения признания, симпатии, дружбы, а также престижная работа, высокий заработок, карьерный рост и т.д. являются целями. Однако с этим нельзя согласиться: не они выступают его целями, а представления о них, эти же представления могут совсем не соответствовать подлинным предметам и отношениям. Они способны влиять на мотивы и мотивацию лишь в случаях их значимости для субъекта. Цель не может выступать в качестве мотива и по той причине, что в ней не заложен субъективный смысл деятельности, поведения или поступка.

Достижение цели способно породить новые цели и внести существенные коррективы в мотивацию и мотивы, в том числе в ведущие мотивы. Однако трудно выразить солидарность с тем, что мотив может быть сдвинут на цель, когда к деятельности или поведению побуждает не желание завладеть предметом или, например, симпатией (любовью), а выполнить определенное действие, получив от этого удовлетворение.

Например, участие в игре может приносить огромное удовлетворение, но во многих случаях игровые мотивы не осознаются. Само участие в ней, точнее — представление об участии предстает целью, но субъективным смыслом, т.е. мотивом выступает совершенно другое — переживание острых эмоций, соприкосно-

вание с опасностью, иногда смертельной, попытка увидеть или ощутить то, что там, за гранью жизни, возможность поставить и решать сложные задачи, войти в остроконфликтные ситуации, продемонстрировать самому себе и другим собственную сообразительность, ловкость и т.д. Успешно достигнутая цель может усилить игровую мотивацию, неудача – отказаться от такого поведения. Игрок – это архетип, но конкретный человек может ошибаться, бессознательно причисляя себя к нему. Если он вовремя откажется от соответствующего поведения, это только пойдет ему на благо. Но если субъект действительно игрок, он может в глубинах этого архетипа черпать разнообразные варианты игрового поведения. Его архетипическая принадлежность есть мотив его деятельности и поведения, в том числе творчества.

Человек далеко не всегда осознает, что у него возник образ предмета или явления. Возникновение образа зависит от его потребностей, порождающих влечения и планы, от его прошлого опыта, сознательного или бессознательного, вытесненного, от степени и содержания восприятия архетипов, от его эмоций и чувств. Образ побуждает к действию, когда в сознании отражена его значимость, или он проявляет активность в бессознательном. Не появление нужного объекта в образе снабжает побудительной энергией потребность, а от нее и мотив, а сам мотив, который содержит в себе смысл поведения, снабжает властью образ. Некоторые образы обладают большой властью, мощно стимулируя поведение. Так, образ денег и связанных с ними благ способен мотивировать действия по их приобретению. Но смысл соответствующего мотива состоит в том, что с помощью денег человек подавляет свою тревожность, свои страхи, с ними он будет чувствовать себя уверенно, сможет ставить и решать жизненно важные задачи. Следовательно, в самом образе денег заложена идея защиты, но заложена потому, что ощущающий эту идею человек нуждается в защите, она лежит в основе его мотивационных ориентаций. Другой человек не ощутит этого образа или не ощутит столь весомо, защита нужна людям, которых отличает высокая тревожность. Над другими деньги не имеют такой власти, за исключением случаев, когда они остро нужны, скажем для лечения.

Таким образом, мотив является устойчивой характеристикой личности, обуславливающей деятельность и поведение. Но это не значит, что другие компоненты не могут влиять на формирование самих мотивов, простых мотиваций и постановку новых целей.